

ВЫНОСЧИК

ТРИ ВОЙНЫ ВАДИМА ГОРСКИХ

МИР

ТОМ ВТОРОЙ

«Война научила умирать. Мир научил жить»

Андраник Алавердян

Алавердян Андраник
Выносчик — Том 2. Мир

«Автор»

2026

Андраник А. А.

Выносчик — Том 2. Мир / А. А. Андраник — «Автор», 2026

ТОМ ВТОРОЙ. «МИР»Серия: «Выносчик. Три войны Вадима Горских» — книга 2Осень 2000-го. Вадиму Горских двадцать четыре: за спиной две войны и осколок у позвоночника, впереди — мир, в котором надо учиться жить заново.Будет вечерний институт и первая строка кода. Страна под названием 1С: дискеты, ночные внедрения и пятнадцать дверей — пятнадцать фирм за пятнадцать лет, куда он приходит, чинит и уходит. Будет любовь, которая уедет в Питер, и письмо 1995 года, которое останется в нагрудном кармане навсегда.Будет Адлер и горсть земли с могилы Санька — долг, который надо отдать. Пустая ковидная Москва, где берёзы цветут без свидетелей.А потом — утро 24 февраля 2022 года. И сорокасемилетний программист поймёт: между матерью и долгом он выберет обоих.В марте, у берёзы, мать скажет: «Иди. И возвращайся — тоже в марте». И он сорвёт с дерева лист — третий талисман, к письму и земле.Война научила его умирать. Мир научил жить. Теперь — проверить, чему научило всё вместе.

© Андраник А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава Двадцать пятая. Прикладная Информатика	5
Глава Двадцать шестая. Война Дисциплин	8
Глава Двадцать седьмая. ХАСП	11
Глава Двадцать восьмая. Ритуал	14
Глава Двадцать девятая. Самоучка	17
Глава Тридцатая. Пора, Вадим	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Алавердян Андраник

Выносчик — Том 2. Мир

*«Платформа — автомат. Стрелять — всю жизнь учишься» —
слова первого франчайзи, 2001 год.*

Автор: Алавердян Андраник Аришикович

Глава Двадцать пятая. Прикладная Информатика

Осень двухтысячного года стояла в Москве золотая, долгая, бархатная — та самая осень, про которую потом, в любые другие годы, говорили «как в двухтысячном».

Вадим вернулся в город, в институт и в жизнь — и жизнь эта с первых дней пошла по новому распорядку, который он выдерживал потом все пять лет без единого сбоя: подъём в шесть, склад к восьми, склад до пяти, метро до института, пары с шести до десяти, дом к одиннадцати, час — на задачник, отбой в полночь. Мать, с которой он теперь снова жил, сначала ахала: «ты же убиться так можешь», — потом привыкла и стала частью этого распорядка: книжка с задачами лежала у него на кухонном столе, и она, проходя мимо, трогала её ладонью, как трогала его голову в детстве, — что-то такое, материнское, без слов.

Информационные технологии встретили его в виде аудитории на третьем этаже филиала Московского государственного университета сервиса — МГУС — на шоссе Энтузиастов — до туда от Кузьминок было ближе, чем казалось: пятнадцать минут наземным транспортом, — и в этом была своя правда: судьба поселила его учиться рядом с домом. Длинная комната с двумя рядами столов, на столах — мониторы, огромные, вздутые сзади, как чемоданы; системные блоки лежали под столами, как спящие собаки; и всё это гудело — тихо, электрически, на одной ноте, — и от гула этого, от белизны экранов, от рядов клавиатур в аудитории пахло будущим — тем самым, о котором говорил Профессор: «все будут жить в компьютерах».

Первое занятие по информатике вела женщина лет пятидесяти, доцент Маргарита Сергеевна, сухонькая, быстрая, с мелом вместо указки. Она рассказала, что такое алгоритм, — «конечная последовательность точных предписаний», — и Вадим, записывая, подумал, что всё это он где-то уже слышал: в армии это называлось «порядок выполнения». Отличие было одно: здесь за ошибку в последовательности не убивало. «Хорошая тема, — записал он на полях. — Надо освоить».

Осваивал он — по-своему, по-фронтовому: не «посещал пары», а «отрабатывал». Каждый вечер — задачник; каждую субботу — машинное время в аудитории (по расписанию, два часа); каждое воскресенье — конспекты, от руки, в общих тетрадях, которые он подшивал в хронологическом порядке, как подшиваются документы штаба. Однокурсники посмеивались сначала — «военный маньяк», — потом стали просить его тетради перед сессией: они были — лучше учебника.

Паскаль достался ему нелегко — но интереснее всего. Первая его программа — «Введите два числа» — выводила сумму; он набрал её, скомпилировал, запустил — и когда на чёрном экране, в зелёных буквах, появился результат его собственного, набранного им текста, — он почувствовал то, что чувствовал когда-то в учебке, с первым выстрелом: оружие работает. Только это оружие не убивало — оно считало. «Вот, — думал он, глядя на экран. — Вот моё новое оружие. Странное. Хорошее».

Профессор, который учился тогда же, но днём и в другом вузе (он-то и надоумил), навещал их с матерью по воскресеньям. Приносил своего «Паскаля» на дискетах, книги, журналы «Компьютерра» и «Мир ПК», и они вдвоём, на кухне, при чае, разбирали задачи; Профессор

рассказывал про «виндоус», про интернет (модем, «пять-шесть килобайт в секунду, Вадь, это же скорость!»), про то, что «сейчас, слышь, начнётся: фирмам нужны программисты, как нам в девяносто четвёртом — морпехи». Мать сидела тут же, слушала, кивала, — и однажды сказала свою фразу, которую Вадим запомнил и которой потом объяснял все свои «пятнадцать фирм»:

— Пусть ходит, пусть смотрит. Мужчина должен на всех хозяев посмотреть, пока своего не найдёт. Как в жизни.

Зимой была первая сессия. Он сдал всё — на «хорошо» и «отлично», — и когда выходил с последнего экзамена, по математике, — преподаватель, старик с трубкой, остановил его в коридоре: «вы же раньше служили, верно? По глазам видно. Так вот: таких, как вы, я за тридцать лет — пятеро. Учитесь дальше». Это была первая внешняя оценка его новой жизни — и он нёс её домой, как нёс когда-то «первую церковно-приходскую» сводку о своей роте: бережно, внутрь.

А в феврале двухтысячного, на складе, где он работал, случился его «первый бизнес» — то, с чего начался его путь в 1С, хотя он тогда не знал этого слова. Фирма, владевшая складом, купила себе «компьютерный учёт» — программу «1С:Предприятие 7.7», в жёлтой коробке, — и привезла ставить: приехал парень, «франчайзи», с дискетами, и три дня колдовал. Вадим, который по складу был «при деле», стоял рядом и смотрел — не отойти было: он впервые видел, как его склад — его карточки, его весы, его «сальдо» — переезжает в машину. Программа оказалась — живая: в ней были ячейки, справочники, «документы», и всё это связывалось, считалось, печаталось. Парень-франчайзи, худой, но живой, еврейской наружности, заметил его интерес и за три дня разговорил его: «что, нравится? Это ж только начало. Научиться может любой — было бы терпение. Платформа, заметь, одна, а конфигурации — какие хочешь: торговля, склад, зарплата. Ты склад знаешь? Так ты и будешь складские делать лучше всех».

— А где на это учат? — спросил Вадим.

— Ха! — парень махнул рукой. — Нигде. Книги есть. И — практика. Тебе как военному объясню: это — как с автоматом: разобрать за неделю можно, а стрелять — вся жизнь учишься. Платформа — автомат. Стрелять — конфигурации.

Вадим кивнул. Он понял — и запомнил. «Платформа — автомат. Стрелять — вся жизнь». Он ещё не знал, что этот разговор — точка входа: что через год он сам будет возить дискеты в кармане бушлата, а через двадцать три года — объяснять мальчишкам-стажёрам то же самое, теми же словами.

Весной двухтысячего он закрыл первый курс на «отлично» и подал документы на перевод... нет — не на перевод: он просто остался. Но решил внутри — твёрдо: следующее лето — на работу «к компьютерам». Профессор к тому времени устроился в контору «по информационным системам» и звал: «приходи к нам, сторожем! Я серьёзно: сторожем в контору с компьютерами — и будешь на машинах ночами сидеть». Вадим смеялся: «мне, Профессор, не машины нужны, а дело. Машины — они и на складе есть. Дело — где?» — «Дело, — сказал Профессор, — в отчёте. Найди отчёт — найдёшь дело».

Эта формула — «дело в отчёте» — оказалась пророческой. Летом двухтысячного он нашёл свой первый отчёт: дядя Саша, у которого «Продметснаб» доживал последние месяцы, позвал его «навести порядок в бумагах перед закрытием» — и Вадим, наводя, написал (от руки, на миллиметровке!) свой первый «отчёт»: свод недостатков по складу за три года, с группировкой по поставщикам. Миллиметровка потом месяц лежала у дяди Саши в сейфе: «пусть, — сказал он, — покупатель придёт — я ему эту бумагу покажу: вот, какая у меня была последняя честность».

Так — за год — сложился весь его новый мир: институт, склад, миллиметровка, Паскаль, Профессор с чаем по воскресеньям, мать с задачиком на столе. Мир стоял на трёх ногах, как табурет его отца, — и Вадим знал, что это — надолго: теперь он не «вернулся с войны», он — жил. Впереди были ещё три курса, «дело в отчёте» и целая страна под названием 1С, в которой

ему предстояло пройти путь от стажёра с дискетами до ведущего разработчика, — но это — потом. А пока, в мае, в конце первого курса, он сидел на последней паре, у окна, и смотрел, как во дворе института цветёт черёмуха, и думал, что жизнь — всё-таки удивительно хорошая штука, если в ней вовремя сказать «да».

Глава Двадцать шестая. Война Дисциплин

Зима в тот год пришла в Москву не постепенно, а сразу, как входит в дом настоящая хозяйка, которую давно ждали: за одну ночь в конце ноября выпал глубокий сухой снег, мороз взял лужи в лёд, стёр последние запахи осени, и город, до того споривший, торопившийся, гудевший своими рынками и маршрутками, притих — не от усталости, а от уважения к силе, которая больше его суеты.

В Кузьминках снег лёг на парк, на пруды, на старые берёзы вдоль Юных Ленинцев, и берёзы стояли белые, тяжёлые, в глубоких снежных шапках, и казалось, что они не стоят, а молчат — каждая о своём. Вадим шёл мимо них утром в шестом часу, в темноте, по скрипучему снегу, и думал: вот так же стоят зимой берёзы в Дудкине, над прудом, только там их никто не видит, и от этого они ещё белее и ещё тише.

Зимний распорядок его был тот же, что и осенний, только темнее. Подъём в шесть. Склад к восьми: приёмка, расход, карточки, ртутные лампы, грузчики, вечное «куда списать бой». В пять — смена кончалась, и он ехал через весь свой северо-восточный маршрут на шоссе Энтузиастов, в филиал, где с шести до десяти шли пары. Домой — к половине двенадцатого. Час — на задачник. Отбой в час. И так — неделю за неделей, месяц за месяцем, и сон, сжатый до пяти-шести часов, стал не отдыхом, а нормой, как нормой на войне была сырость.

Мать сначала боялась за него, потом перестала бояться и стала помогать — по-своему, тихо. К его приходу на кухне горела лампа и стоял чайник; задачник лежал на столе на одном и том же месте, и она, проходя мимо, трогала его ладонью — так, ничего не говоря. Глаза у неё к той зиме стали сдавать: вечером, при свете, она не могла вдеть нитку в иголку и подзывала его, и он вдевал, стараясь не смотреть на её припухшие веки, на очки, которые она всё откладывала покупать, — «накопим, сынок, после праздников». Сердце у неё тоже играло: два раза за зиму она сидела бледная, с валокордином на подоконнике, и оба раза запрещала ему звонить в скорую. «Это пройдёт, — говорила она. — Учись. Не смей пропускать».

И он не пропускал.

Сессия на первом курсе — первая в его жизни студенческая сессия — началась в середине января и шла три недели, и он понял сразу: это война, только дисциплин. Каждый предмет — свой фронт. Математика — главный удар: интегралы брались не с ходу, а методично, как берётся высотка, — обходом, с фланга, по ночам. Иностраннный — изматывающая перестрелка: школьный английский за десять лет пророс чертополохом, и пришлось полоть. Информатика — прорыв: здесь он был сильнее преподавателя в одном — в упорстве; программы его были неуклюжи, как молодые солдаты на первой строевой, но выполняли приказ точно. История и философия — партизанский фронт: там надо было не воевать, а понимать, а понимать он умел.

Он готовился к сессии, как готовился когда-то к выходам: план на стене, часы, контроль, резерв. Конспекты — от руки, в общих тетрадах, подшитых по хронологии, — перед сессией расходились по рукам: однокурсники, мальчишки и девчонки, почти вдвое моложе его, сначала посмеивались — «дед закрыл тему», — потом ходили за ним гуськом, как за фельдшером. Он не задавался. Ему было странно и тепло от этого: он, к которому на гражданке привыкли присматриваться с опаской — «чеченский», — здесь был просто сильным в группе. Сила на мирном деле оказалась той же силой.

Кабинет системотехники, где им давали машинное время, был длинный, с двумя рядами столов, и стояли на столах мониторы старого образца — пузатые, тяжёлые, вздутые сзади, как чемоданы; экраны их дрожали и плыли, если сфотографировать их глазом, — не получалось: они жили в своей, своей лишь им ведомой частоте, и от долгой работы за ними ныли глаза, а по комнате плыл ровный электрический гул, слышный только когда все замолкали. Вадим

любил этот гул. В нём было что-то от гула хорошо налаженного станка — не война, не машина, а просто дело, которое делается.

По воскресеньям приезжал Профессор. Он тогда уже работал в своей конторе по информационным системам и учился где-то ещё, вечно учился, — и приезжал к ним на кухню со своим рюкзаком, из которого доставались: дискеты, журналы, иногда книги, а один раз — целая подшивка газет с объявлениями. За чаем он разворачивал перед Вадимом мир, как карту.

— Смотри, — говорил он, тыча пальцем в строчки. — «Требуется программист. Знание Паскаля. Оплата от трёхсот у.е.» Триста, Вадь. Ты на складе сколько получаешь? Вот то-то. А дальше будет больше. Я в конторе вижу: кто хоть что-то умеет — тем цены нет. Программировать можно за деньги, Вадим. Понимаешь? За настоящие деньги.

— За деньги — это понятно, — говорил Вадим. — Непонятно — за что платят. За то, что человек пишет буквы?

— Не буквы. За порядок, — сказал Профессор серьёзно. — Программист — это тот, кто наводит порядок в чужой путанице. Тебе, военному, близко? Война с хаосом, только без крови. Сортируешь, нумеруешь, связываешь — и хаос работает на человека.

Вадим молчал. Ему было близко. Ближе, чем он мог сказать: наводить порядок в путанице он умел с детства — отец учил: сначала разложи инструмент, потом работай. В иде — порядок был вообще всем: и в казарме, и в его собственных тетрадах, и в том, как он чистил до блеска не нужный никому склад.

В ту зиму Профессор показал ему Паскаль по-настоящему — не институтский, лабораторный, а рабочий: циклы, массивы, процедуры. Они сидели ночью, на кухне, на принесённом с работы Профессора старом компьютере, и Профессор диктовал задание, а Вадим писал. Выходило у него медленно, но чисто: он не торопился, проверял каждый шаг, и Профессор, глядя на это, засмеялся:

— Ты пишешь код, как наряд оформляешь. Всё по форме.

— А как надо?

— Никак не надо. Так и надо, — сказал Профессор. — Половина программистов в стране пишет как попало, и потом их код падает. А твой — не упадёт. Твой — ровный.

«Ровный». Слово зацепило Вадима внутри, старое слово, из другой жизни: так говорил старшина Захарченко, Батя, — «ровно, Горских», и это значило высшую оценку, выше которой в армии не бывает. И вот оно вернулось — на кухне, над клавиатурой, из уст очкастого друга. Вадим усмехнулся тогда в темноте сам себе: выходит, и здесь можно служить ровно.

В феврале он сдал последнюю сессию — сессию первого курса — без троек, с двумя пятёрками, и преподаватель математики, старик с трубкой, остановил его в коридоре и сказал то, что Вадим потом носил в себе, как носят орденскую планку, — тайно и греясь: «Таких студентов, как вы, я за тридцать лет видел пятерых. Не бросайте».

Он не бросал. Он шёл домой через Кузьминский парк, и была оттепель, и снег на берёзах осел и потяжелел, и с чёрных веток капало, и капли, падая в снег, пробивали в нём маленькие круглые колодцы, — он шёл и смотрел на это, и думал, что пять часов сна — это не жертва. Жертва — это когда человек спит десять, а на сердце пусто. А у него на сердце было занято: институт, склад, тетради, мать, профессорова карта будущего. И то, что лежало в нагрудном кармане, между блокнотом и ручкой, — сложенный вчетверо листок, посланный ему в марте девяносто пятого из Питера, — оно лежало молча, и он не перечитывал его, оно ему ничего не говорило и не мешало; оно просто было с ним, как шрам, который не болит, пока не трогаешь, — и на то, чтобы не трогать, у него хватало теперь выдержки.

Зима кончилась вдруг, как кончаются в Москве все зимы: за одну неделю. Снег почернел, осел, потёк; на берёзах набухли серёжки; в лужах встало длинное, в полнеба, отражение — и город, вырвавшись из белого плена, загалдел, зашумел, побежал. А Вадим остался при своём:

подъём в шесть, склад, пары, задачник, отбой в час. Распорядок пережил зиму, как переживают зиму окопы: осел, обледенел, но держал.

И была в этом распорядке своя, никому не видная точка опоры. На войне его держал приказ и то, что слева и справа — свои. Здесь никто не командовал — ни в шесть утра, ни в полночь; здесь каждый шаг был добровольным, и оттого — весомее. Он понимал это ещё смутно, словами не умел, но чувствовал телом, как чувствуют устойчивую землю под ногами: в мире тоже нужна выдержка, только тихая. Война проверяет человека громом. Мир проверяет тишиной. Второе — труднее.

Глава Двадцать седьмая. ХАСП

Весна в тот год пришла ранняя и шумная. Уже в конце марта ударили тёплые дни, в южных окнах института раскрылись форточки, и с улицы, от трамваев и ларьков, тянуло талой землёй и бензином — запахом города, который просыпается после долгой зимы, будит свои каналы и не узнаёт себя в лужах.

В один из таких дней — вторник, после первой пары, — Профессор перехватил его на лестнице. Он пришёл специально, в плаще, с рюкзаком, с горящими глазами, и Вадим понял по одному его виду: есть новость.

— Садись, — сказал Профессор. — Нет, стой. Слушай. У нас в конторе смежники — фирма «АС-Сервис», франчайзи 1С. Их главный — Шестаков, Виталий Павлович, все зовут Палыч. Мне про тебя рассказали, что ты после института в 1С ковыряешься, — я и сказал: есть человек. Им стажёр нужен. На подхвате. Обновления, выезды. Платят мало, сто пятьдесят — двести у.е., зато практика — настоящая, живая, у клиентов. Учиться будешь быстрее, чем в институте. Ну?

Вадим молчал. У него уже была работа — склад, ртутные лампы, карточки; уходить со склада — значило терять полставки и привычный распорядок. Но он уже год смотрел в одну и ту же сторону: на жёлтую коробку 7.7, на парня с дискетами, на мир, где наводят порядок в чужой путанице за деньги.

— Когда идти? — спросил он.

— Завтра в десять, — сказал Профессор. — Записывай адрес.

Офис «АС-Сервиса» находился в двухэтажном здании бывшего проектного института, в стороне от дороги, за киоском и лысым тополем; на двери — стеклянная табличка с логотипом, внутри — коридор, три комнаты, чайник, гул компьютеров и запах старого линолеума, сигарет и надежды.

Палыч оказался мужиком лет пятидесяти, крепким, с короткой стрижкой, с хитрыми прищуренными глазами и громким голосом человека, привыкшего перекрикивать дрель. На столе у него стоял монитор, лежали дискеты, CD, пачка накладных и какая-то маленькая коробочка, к которой шёл провод, — Вадим потом узнал: ключ защиты, хасп, синенький, воткнутый в параллельный порт принтера.

— Так, — сказал Палыч, оглядев его. — Морпех, значит. Чечня, значит. Институт — вечерний, значит. — Он помолчал. — А бросить захочешь — не побежишь?

— Не побегу, — сказал Вадим.

— Это все говорят, — Палыч качнул головой. — Вот у меня было три стажёра. Один через месяц ушёл — «не моё». Второй через два — «мало платят». Третий доучился до конца и ушёл в банк. А ты чем лучше?

Вадим подумал. Ответить хотелось честно, а честный ответ был длинный, и он сократил его, как сокращают донесение:

— Я с дела не уйду. Приучен.

— Приучен, — повторил Палыч. — Ладно. Вот тебе испытание. — Он выдвинул ящик, достал оттуда дискету, протянул. — Релиз обновления. Завтра у клиента надо обновить бухгалтерию. Сначала — здесь, на стенде, прогони: бэкап, тестирование, обновление в монопольном режиме, потом ещё раз тест. Сделаешь — поговорим дальше. Не сделаешь — до свидания, спасибо за честность.

— Сделаю, — сказал Вадим.

— Ну-ну, — сказал Палыч. И добавил, уже в спину, громче: — И вот что, морпех. Морпехи не бросают начатое. Я в этом весь расчёт и строю.

Стенд у них в конторе был второй компьютер, старый, с шумным вентилятором; Вадим сел за него в тот же вечер, после института, и сделал всё, как учили: скопировал базу, выгрузил её в архивный файл — это называлось «сделать бэкап», — потом запустил тестирование и исправление, потом конфигуратор, обновление, монопольный режим, снова тест. Всё это он делал первый раз в жизни, и руки его действовали медленно и точно, как действовали когда-то при разборке незнакомого оружия: не спеша, присмотрись, запомни порядок. Вышло к ночи. База обновилась, документы открывались, отчёты считались. Он выгрузил бэкап ещё раз, написал дискету и лёг спать в первом часу.

Наутро Палыч проверил — молча, при нём, всю цепочку, — и сказал только:

— Ладно. Выходи в понедельник.

Так Вадим стал стажёром «на подхвате». Работа была простая и бесконечная, как солдатская: обновление баз 7.7 у клиентов, дискеты с релизами — потом уже CD, — выезды «на клиента» по заявкам, день сисадмина: где принтер зажевал бумагу, где «конверт с ключом» не видит хасп, где виндоус встал криво. Он ездил по всему своему северо-восточному маршруту и дальше — по малому бизнесу Москвы и ближайшего Подмосковья: пекарни, стройки, магазинчики, фирмочки с вывесками из плёнки. Он входил в эти конторы с коробкой дискет, как входил раньше в чужие дворы с проверкой: тихо, вежливо, ко всему готовый. И мало-помалу начал понимать: малый бизнес России — это и есть страна; не та, что по телевизору, а та, что сидит в задних комнатах, считает на калькуляторе и молится, чтобы завтра не отменили отсрочку по налогам.

Первый самостоятельный выезд случился у него в апреле. Заявка была короткая: «бухгалтер, база не открывается, отвалился хасп». Адрес — за кольцевой, в сторону МКАД, промзона, швейный цех. Он ехал туда наземным транспортом больше часа, весенний дождь прошёл ещё утром, и город после дождя блестел, как новая, только что установленная конфигурация: чисто, свежо, без единой ошибки.

Бухгалтером оказалась женщина лет сорока пяти, полная, с испуганными глазами, в кофте поверх формы. Она повела его в комнатку без окна, где стоял компьютер и лежали горы папок.

— Не работает, — сказала она жалобно. — Вчера работало. Сегодня — не работает. Я всё пробовала. Я чуть не плачу.

— Не плачем, — сказал Вадим. — Смотрим.

Он сел. Машина грузилась долго, вентилятор гудел бешено. Он посмотрел назад, на системный блок: хасп висел на порту принтера, но сидел на порту не до конца — чуть перекошен, держался на честном слове. Кто-то — судя по всему, уборщица, сдвигавшая стол, — задела провод, и контакт пропал.

Вадим выключил машину, вынул ключ, вставил снова — до щелчка, включил. База поднялась с первого раза. Бухгалтерница ахнула, всплеснула руками:

— И это всё? И из-за этого я с утра на стенку лезла?

— Из-за этого, — сказал Вадим. — Провод задела, ключ отошёл. Он теперь крепко сидит. Но я его на скотч зафиксирую, чтобы не отходил.

Он зафиксировал. Потом, не уходя, сделал то, что полагалось по новым правилам Палыча: проверил бэкап, посмотрел журнал регистрации, обновил базу до последнего релиза — дискета была с собой. Всё это заняло полчаса. Бухгалтерница смотрела на него, как смотрят на фокусника.

— А вам не сложно было ехать? — спросила она. — Из-за такой мелочи, часа на три вместе с дорогой?

— Не сложно, — сказал Вадим.

Он не стал объяснять ей, что мелочей не бывает. Что ключ, отошедший на полмиллиметра, останавливает цех, а остановленный цех — это чужая зарплата, чужие дети, чужая

судьба. Он знал это не по учебнику. Он это видел — там, где остановка стоила не зарплаты, а жизни, и потому относился к «отвалившемуся хаспу» с тем же серьёзностью, с каким относился когда-то к не вставшему по весу магазину автомата.

Обратно он ехал в переполненном автобусе, прижатый к окну, и смотрел, как за стеклом проплывает мокрая, дымящаяся после дождя Москва: гаражи, ряды киосков, чёрные тополя в белой пуховой позументе. В кармане у него лежала квитанция с подписью бухгалтерши — «работы выполнены, претензий нет», — первая квитанция в его жизни, заработанная не руками грузчика, а головой и знанием. Он трогал её через ткань куртки и чувствовал глупое, молодое счастье, которое не испытывал давно, — счастье от того, что нужен.

Дома он рассказал матери. Мать слушала, кивала, а потом сказала:

— Сынок, ты как отец: руки при деле. Он бы рад был.

Она сказала это спокойно, но глаза у неё заблестели, и она вышла на кухню, будто к чайнику, — а он остался стоять в комнате, и стояло в ушах её «рад был», и было в этом слове что-то от того, отца, тёплое, из детства, из гаража, от запаха машинного масла.

Вечером позвонил Профессор.

— Ну что, стажёр? — спросил он весело.

— Стажёр, — согласился Вадим.

— Держись. Теперь будет тяжело и интересно. Это лучшее сочетание.

— Знаю, — сказал Вадим. — Я в таком сочетании два года прожил.

Профессор помолчал и ответил тихо:

— Да. Я помню. Береги себя там, в этих выездах. Ты теперь тоже, считай, на войне — только война у тебя теперь с хаосом. С ним, брат, похуже некоторых фронтов бывает.

Вадим положил трубку и подошёл к окну. Дождь начинался снова, редкий, крупный; по стеклу ползли капли, срывались, и в фонарном свете каждая падающая капля на секунду вспыхивала серебром, как сигнал, как далёкая ракета над позициями, — только мирная, тихая, никого не зовущая на бой.

Глава Двадцать восьмая. Ритуал

Лето того года было жарким и белым от пыли. Июль стоял над Москвой неподвижно, как стояла бы над окопом духота перед грозой, — только гроза не собиралась, и город плавился, обливался, пил мороженое и оплывал асфальтом. Вечерами, после пар, Вадим выходил из здания института на шоссе Энтузиастов, и его обдавало тёплым дыханием шоссе — бензин, пыль, смола, — и над всей этой духотой, над крышами и антеннами, висело высокое белёсое небо, ни тучки, ни ветра, и в небе этом было что-то от неба над южными горами: то же выпавшее, выжженное безразличие.

Летом у франчайзи было мёртвый сезон и живая работа — так учил Палыч. «Мёртвый сезон» значило: бухгалтерия в отпусках, до закрытия квартала далеко, больших внедрений никто не начинает. «Живая работа» значило: те, кто работает, — ломаются; а кто ломается летом, тому надо чинить летом. И Вадим ездил и чинил.

К осени он уже знал работу стажёра наизусть, и работа эта сложилась в его руках в порядок, в чёткий ритуал, почти в службу. Обновление информационной базы он производил как обряд — всегда один и тот же, всегда в одном и том же порядке, и порядок этот никому не был вменён, он выработался сам, из опыта, как вырабатывается порядок подготовки оружия к бою.

Сначала — бэкап: выгрузить базу в файл, проверить, что файл не пустой и открывается; бэкап — это патрон в патроннике, без него не выходить. Потом — тестирование и исправление ошибок: база, как человек, копит в себе болезни и молчит, пока не рухнет; тестить её надо до обновления и после. Потом — само обновление, в монопольном режиме, когда все пользователи выведены и база заперта изнутри, — потому что обновлять открытую всем базу — всё равно что менять колесо машине, которая едет. И в конце — снова тест, снова бэкап, и записка клиенту: что сделано, что проверено, что делать, если что.

Он писал эти записки от руки, косым, ровным почерком, и Палыч, увидев первую, долго её рассматривал.

— Ты что, — спросил он, — в армии писарем был?

— Нет. Но донесения писать приучен.

— Донесения, — Палыч усмехнулся и положил записку на стол. — Оставь. Я её в рамку вставлю. «Что сделано, что проверено, что делать, если что». Половина контор в городе не умеет так после себя убирать.

Клиенты у «АС-Сервиса» были те самые, из которых состоит страна: пекарня в Люблине, где пекарь-хозяин сам стоял у теста и сам же вводил накладные, руки в муке; стройка у станции, где прораб держал базу в вагончике и боялся её, как боится живого зверя; магазинчик запчастей, где супруги торговали и ссорились прямо при нём, она — за кассой, он — за компьютером; фирмочка с вывеской «Оптовая торговля», три стола, директорская иномарка у входа и налоговая, ходившая кругами. Вадим смотрел на эти конторы, как смотрел когда-то на чужие гарнизоны: у каждой свои порядки, свой часовой, свой склад боеприпасов, свой командир со своим характером. И у всех — одна беда: учёт.

Учёт в стране был болен. Не программа была больна — страна была больна: вчерашняя советская бухгалтерия, выброшенная на рынок, как выбрасывают старую мебель, цеплялась за жизнь кто как умел. Вадим видел шкафы с папками, где за девяносто восьмой год лежали пустые корешки; видел тетради в клеточку, ведённые параллельно базе, «на всякий случай»; видел главбуха, которая отказывалась уходить с 7.5, потому что «на ней вся отчётность сидит, а на вашей ещё неизвестно что». Он никого не переубеждал словами. Он делал своё дело ровно — и они привыкали.

Осенью случился и первый разговор о границах. Приехал он на обновление к директору оптовой фирмочки — тому самому, с иномаркой; тот, проводив его в кабинет, прикрыл дверь и, глядя в сторону, заговорил о другом:

— Слушай, тут какое дело. Товар у меня часть идёт мимо кассы. Ну, сам понимаешь. Сделай так, чтобы эта часть в оборотах не светилась. Тебе — пятьсот, сверху, наличными. И дальше так же будем.

Вадим молчал. Пятьсот — это было больше его месячной тогдашней. Он молчал и смотрел на директора, а в голове у него, чётко, по-уставному, выстраивался ответ, и ответ был не про деньги.

— Не сделаю, — сказал он.

— Боишься? — директор усмехнулся. — Все боятся, а делают.

— Не боюсь. Не буду. Программа считает то, что есть. Если у вас товар идёт мимо учёта — это не к программе, это к вам. Чинить надо не базу.

— А ты не умник, — директор нахмурился, и лицо у него стало тяжёлое. — Все умничают, а жить как?

— Честно, — сказал Вадим. — Труднее, но проще.

Он обновил базу, подписал акт и уехал. В офисе рассказал Палычу — не жалуясь, а докладывая, как положено. Палыч выслушал, кивнул и налил себе чаю.

— Правильно, — сказал он. — И вот что, Вадим, запомни, это тебе не в институте расскажут. К нам такие заходят постоянно: «сделай, чтобы не светилось», «подрихтуй отчёт», «а можно это стереть». Лет пять назад я тоже махал рукой — выживание, рынок, все так. А потом понял простую штуку. Мы не для этого. Мы — порядок наводим, а не прячем сор. Кто прячет сор — того рано или поздно накрывает, вместе с нами, потому что подпись наша рядом стоит. Так что правило конторы: серым — нет. Хоть пятьсот, хоть пять тысяч. Клиентов меньше — сон крепче.

— Понял, — сказал Вадим.

— Запомни ещё, — Палыч посмотрел на него внимательно. — Клиент, который просит такое, — он тебя не уважает. Он тебя использует. А ты военный, ты разницу понимаешь: когда используют, а когда уважают. Впрочем, ты понимаешь.

Вадим понимал. Используют — когда берут и не считаются; уважают — когда берут и помнят. Разницу он узнал не в бизнесе.

Той же осенью у него завелась Аська. Показал её Профессор: установил на рабочий компьютер, дал свой номер, научил стучаться. Ночами, когда город затихал и мать уже спала, Вадим сидел на кухне в свете одной настольной лампы и слушал — как слушают эфир, — ждёт ли кто на связи. Профессор был онлайн ночами постоянно: у него был модем и жажда. Переписывались коротко, по-армейски:

«— как база, жива?

— жива. тормозит на группировке.

— индексы смотрел?

— смотрю».

Иногда приходил зелёный цветок чужого статуса — Палыч, — и они перекидывались парой фраз о завтрашних выездах; иногда стучались однокурсники — спрашивали конспекты. Ночь, кухня, лампа, стрекот модема — и вся страна, все её программисты, сидели так же, у своих машин, и это ночное братство казалось Вадиму похожим на наряд на станции: все спят, а ты при деле, и связь есть.

А в конце осени Палыч позвал его в кабинет, закрыл дверь и сказал, что по осени дел у конторы прибавилось и что Вадиму пора перестать быть «на подхвате».

— Со следующего года, — сказал Палыч, — поведёшь своих клиентов. Сам. От заявки до акта. Платить будем по-новому: ставка плюс проценты. Ты готов?

Вадим подумал и ответил, как отвечал всегда, когда был уверен:

— Готов.

За окном офиса догорал закат — низкое ноябрьское солнце уже утонуло в крышах, и небо над шоссе Энтузиастов стояло тёмно-синее, с одной длинной оранжевой полосой, ровной, как строка отчёта, — и Вадим, выходя вечером из офиса, посмотрел на эту полосу и подумал, что день, как база, закрылся корректно: без ошибок, с бэкапом. Таких дней у него с тех пор становилось всё больше.

Глава Двадцать девятая. Самоучка

Зима в тот год встала рано, в самом конце ноября, и с первых же дней пошла снегопадами — мягкими, обильными, городскими: снег валил густо, без ветра, фонари стояли в нём как в молоке, и по утрам Москва выходила раскапывать себя — скребками, лопатами, плечами, — и к полудню опять белела.

В ту зиму Вадим стал самоучкой.

Днём он работал: свои клиенты, заявки, выезды, акты. Вечером — институт: второй курс нагружал базами данных, и это было к месту. А ночью, на кухне, при лампе, он учился сам — по книге Радченко, купленной в дом техники наискосок от работы, толстой, в мягкой обложке, с дискетой внутри. Книга была путеводителем по стране под названием «1С:Предприятие 7.7»: язык, справочники, документы, регистры, запросы. Он читал её, как читают наставление по стрелковому делу: медленно, с карандашом, возвращаясь.

Он делал всё, что велела книга, и сверх того. Разбирал чужие конфигурации по ночам — выгружал, распечатывал модули, раскладывал по столу, как раскладывают схему связи. Устроил себе машинное время: у Профессора обновился компьютер, старый его он отдал Вадиму за бутылку чая, и теперь кухня ночью гудела, и модем стрекотал, и Аська моргала зелёным до двух часов. Он прошёл книгу за зиму — не прочёл, а прошёл: с боями, с повторами, с ночными прорывами и утренними «не могу понять регистры». Регистры дались труднее всего.

Регистры — это было сердце семёрки, её тайная механика: не документы и не справочники, а движения, итоги, виртуальные таблицы. Вадим долго не мог их ухватить — понимал по отдельности, а вместе не складывалось, — и однажды в отчаянии сравнил с тем, что знал железно: это как расход боеприпасов. Документ «приход» — привезли ящики; документ «расход» — выдали; а регистр — это то, что осталось на складе сейчас, и то, что было на любое число. Склад боеприпасов, записанный в книгу движений. С этой минуты регистры встали на свои полки в его голове, и он уже никогда в жизни их не путал.

В феврале его позвали на хлебозавод.

Это был первый его самостоятельный клиент «по-крупному» — не пекарня, а завод: корпуса, силосные башни, запах тёплого хлеба на весь район, ночная смена, вагоны муки. Учёт стоял на «Торговле и складе» 7.7, и стоял плохо: базу вёл один человек, кладовщик-энтузиаст, который уже три года как стал «айтишником поневоле» и держал всё на честном слове, на дискетах и на страхе. Заявка пришлась на переделку отчёта «остатки и цены» — отчёт им нужен был свой: по складам, по группам, с ценами последнего прихода и колонкой отклонений.

Вадим приехал на завод в десять вечера, после института. Его провели через проходную, где пахло дрожжами и ваксой, в конторку при лаборатории, где стоял компьютер и сидел тот самый кладовщик-энтузиаст, усталый мужик в свитере, все пальцы в мозолях от клавиатуры.

— Вот, — сказал он, показывая на экран. — Видишь, как долго? Каждый отчёт — минут пять. Начальство ругается. Говорят: конфа тормозит. А я что, я только кнопки жму.

Вадим сел, посмотрел базу — и увидел то, что видел потом на десятках заводов и что запомнил на всю профессию: база была запущена, как запускается техника без обслуживания. Три года движений, сотни тысяч записей, и всё это — без индексов, без архивации, с периодикой, не пересчитанной со дня установки, — и запрос, который гонял по всем этим полям полный перебор, разворачивая данные в память, как разворачивает пружину.

Он не сказал «конфа тормозит — надо новую». Он сделал то, что делал всегда: навёл порядок. Пересчитал итоги. Поставил в запросе условия на период, отрезал лишние поля, добавил индексирование там, где шёл перебор. Запустил отчёт — и он вышел не за пять минут, а за двадцать секунд. Кладовщик смотрел на экран, потом на Вадима, потом опять на экран — как смотрят на заклинание.

— Это всё? — спросил он шёпотом.

— Это начало, — сказал Вадим. — Теперь ваш отчёт.

Отчёт он писал две ночи. Писал — и сам себе удивлялся: оказалось, код писать можно по-разному. Можно писать как в институте — лабораторно, ради зачёта. А оказалось — можно писать, как рассказывают историю: вот склад, вот товар, вот его цена последнего прихода; сперва спросим одно, потом другое, потом сложим и покажем человеку строку, чтобы он понял и обрадовался. Утром после второй ночи он запустил отчёт у кладовщика, отчёт вышел ровными колонками — остатки, цены, отклонения, — и кладовщик, глядя на него, вдруг говорит:

— Слушай, а ведь я эту таблицу десять лет на бумаге держал. Каждый день, от руки. А теперь — нажал — и есть.

— Теперь — нажал, — согласился Вадим.

Он ехался домой ночным троллейбусом — пустым, гулким, с жёлтым светом и мокрыми окнами; снегопад шёл, троллейбус шёл сквозь него медленно, с остановками, и Вадим стоял у окна и смотрел, как в белой мгле проплывают тёмные кроны деревьев, — простоял бы так до конца маршрута. Он был в тот час тихо, глубоко счастлив — тем редким счастьем, когда усталость правильная, дело сделано до конца и человек на своём месте. Десять лет человек писал таблицу от руки — и вот больше не будет писать. Это было маленькое, незаметное никем освобождение — и Вадим думал, что из таких маленьких освобождений, по одному заводу, по одному кладовщику, и складывается та большая перемена, которую никто не замечает, пока она не случилась.

Весной он сдал сессию второго курса, и Палыч, узнав про хлебозавод, долго молчал, а потом сказал:

— Так. Значит, так. Отчёты ты писать умеешь, базы чинить умеешь, клиента не испугал. Всё, Вадим. Ты больше не стажёр. Ты специалист. Оформляю.

Он поднял зарплату — впервые за год не на десятки, а вдвое, — и Вадим в тот вечер принёс матери торт. Мать посмотрела на коробку, на него, всё поняла и сказала только:

— Ну вот. А ты боялся в двадцать четыре года начинать.

— Не боялся, — сказал Вадим. — Тяжело было.

— Тяжело и боязно — разное, — сказала мать. — Ты, главное, спи. Ты у меня в ту зиму как скелет с глазами был.

И она налила чаю, и они сидели на кухне вдвоём, и за окном над их двором стояли в ночном свете берёзы — мокрые, тёмные, уже с наклюнувшимися почками, — и Вадим смотрел на них и думал, что зима кончилась и что всё у него теперь получится, потому что он наконец понял простую вещь: чтобы научиться, не надо ждать, пока научат. Надо взять книгу, сесть ночью и пройти её, как проходят маршрут, — самому, до конца, с повторами.

Глава Тридцатая. Пора, Вадим

Две тысячи второй год шёл Вадиму на пользу, как идут на пользу солдату вторая и третья службы: тело уже знало ремесло, душа уже не тратилась на страх, и всё, что вчера было подвигом, стало работой, а работа эта становилась — жизнью.

Он вырос из стажёров окончательно и без возврата. Клиентов у него теперь было своих — два десятка, от пекарни до двух оптовых баз; он вёл их от заявки до акта, и клиенты, поначалу морщившиеся на «новенького», к концу года просили Палыча: «пусть приходит Горских, нам к нему привычно». Палыч не возражал — он вообще смотрел на Вадима той осенью внимательно, как смотрят на сына, который стал выше отца.

Деньги пришли настоящие. Четыреста у.е., потом пятьсот, к осени — шестьсот, и это были в той Москве уже настоящие деньги, о которых год назад он и не думал: не богатство, нет, — но контора платила вовремя, и он впервые в жизни откладывал. Отложенное лежало в конверте на верхней полке шкафа, и мать знала, где оно лежит, и оба знали, на что оно: на её глаза. Очки она себе так и не купила «после праздников» — он купил ей сам, свёл к врачу, и врач сказал: «а вы, мама, запустили; теперь носить постоянно». Мать носила очки не снимая, маленькая, прямая, в тонкой оправе, — и ему казалось, что она в них стала похожа на учительницу, а она смеялась: «я, сынок, сорок лет уколы ставила, какая из меня учительница».

Институт шёл своим чередом. Третий курс — курсовые, базы данных, курсовая у него была — сама просилась — про учёт: «Автоматизация складского учёта на базе 1С:Предприятие 7.7», и он писал её не для галочки, а как наставление: с диаграммами от руки, со схемой регистров, с примерами из своей пекарни и своей оптовой базы. Руководитель, доцент Маргарита Сергеевна, прочитав, сказала: «Вы понимаете, о чём пишете. Это редкость».

Летом они с матерью поехали в Дудкино.

Ездили теперь каждый год, в августе, на неделю-другую: мать к сестре, он — к роще. Дудкино не менялось, и в этом была его сила: те же избы под железом, тот же пруд с зелёным краем, та же роща над водой — берёзы, одна к одной, старые, с чёрными прожилками по белому, с плакучими, развесистыми кронами. Вадим приходил туда по вечерам, когда солнце шло за дальний лес и вода делалась розовой, стоял у той самой берёзы — она росла на бугре, отдельно, с огромной, склонённой к воде кроной, — и стоял долго.

Он стоял и смотрел, как она стоит.

Была в этой берёзе та особенная, ни на что не похожая верность, которую он знал с детства и которую не умел назвать словом, пока не сложилось само: она стоит и ждёт. Не цветёт пышнее других, не тянется из последних сил — стоит. Ждала его отца, когда тот был мальчишкой и купался тут в пруду; ждала его самого — маленьким, в начале восьмидесятых, когда отец, ещё живой, стоял тут с ним рядом, в своей кепке, и учил бросать веточки в воду: «считай, сынок, до трёх — и бросай: вода любит счёт»; ждала и после — в девяносто четвёртом, перед проводами, когда он стоял тут уже с одной матерью; ждала и в девяносто пятом, когда он был уже не здесь. Дерево не умеет ждать — так думают люди, у которых нет своей берёзы. У Вадима она была, и он знал: она ждёт, и потому ему можно уезжать куда угодно — в Москву, на любую работу, на любую войну, — потому что есть точка на земле, где его дождутся в любом случае. Не человеком — так тенью; не тенью — так памятью; не памятью — так корнями.

В тот вечер мать пришла к роще сама — редко она ходила теперь, ноги не пускали далеко. Постояла рядом, опёршись на его руку, посмотрела на воду и сказала:

— Хорошо-то как. Как в детстве. Ты вот этот бугорок помнишь? Тут папа твой сидел, когда ты маленький купался — восемь годков тебе было, последний его август. Сидел и молчал. А потом сказал мне: «Лида, — сказал, — наш-то — крепкий. Откуда бы ни ушёл — всё

равно домой вернётся. Он упорный, наш-то». В ту осень его и не стало... — Она помолчала.
— Деревья-то всё те же. Только мы меняемся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.